

Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г.¹⁾

(Окончаніе).

Барклай-де-Толли, опытный и осторожный, вѣрно постигавшій образъ дѣйствій Наполеона, съ непоколебимою твердостью и большимъ искусствомъ избѣгалъ сраженій, которыя, при подавляющемъ превосходствѣ въ силахъ, обѣщали противнику рѣшительную и окончательную побѣду, т. е. тѣхъ сраженій, которыхъ всегда искалъ и достигалъ Наполеонъ. Но послѣ Смоленска обстоятельства измѣнились: силы обѣихъ сторонъ на столько сравнялись, что бой на выгодной, искусственно усиленной позиціи могъ имѣть благопріятныя послѣдствія. А потому Барклай, выступая изъ Смоленска, выслалъ офицеровъ генеральнаго штаба для обзрѣнія мѣстности по Московской дорогѣ и пріисканія выгодныхъ для обороны позицій. На пространствѣ отъ Смоленска до Гжатска найдены двѣ позиціи, тому соответствовавшія: при Усвятьѣ, не доходя Дорогобужа, и у Царево-Займища, между Вязмою и Гжатскомъ. На позиціи при Усвятьѣ наши арміи соединились 11 (23) августа; но кн. Багратионъ нашель, что II армія, занявшая лѣвое крыло, подвержена обходу, и что у Дорогобужа мѣстность выгоднѣе. Тогда главнокомандующій приказалъ продолжать движеніе и, когда оказалось, что позиція у Дорогобужа совершенно негодна ²⁾, слѣдовать въ Царево-Займище.

Между тѣмъ корпуса Мюрата, Нея, Даву и Жюно двинулись

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1912 г.

²⁾ Клаузевицъ называетъ ее въ своемъ описаніи 1812 г. мерзкою.

10 (22) августа вслѣдъ за нашими арміями; по тому же направленію слѣдовали проселочными дорогами войска вице-короля, Груши, Понятовскаго и Латуръ-Мобура. Самъ Наполеонъ, узнавъ, что русскія силы остановились у Дорогобужа, и надѣясь вступить съ ними тамъ въ генеральное сраженіе, выслалъ 12 (24) гвардію и съ наступленіемъ ночи, по окончаніи сдѣланныхъ имъ тогда распоряженій, выѣхалъ изъ Смоленска. Распоряженія эти относились къ лучшему обезпеченію тыла и фланговъ великой арміи по мѣрѣ ея углубленія внутрь Россіи. Маршалу Виктору (33.000 чел.) предписано двинуться изъ Пруссіи въ Литву, къ Вильнѣ и Смоленску, при чемъ ему были подчинены всѣ тыльные отряды. Маршалу Ожеро (56.000 ч.) приказано изъ Германіи перейти въ Польшу и занять пространство между Вислою и Нѣманомъ. Шварценбергу, Макдональдъ и Сенъ-Сиру посланы предписанія дѣйствовать съ энергіею, овладѣть Кіевомъ и угрожать Петербургу.

Армія, съ которою Наполеонъ предпринялъ новое наступленіе и надѣялся атаковать Барклая у Дорогобужа, за исключеніемъ гвардейской дивизіи, оставленной въ Смоленскѣ до прибытія маршевыхъ баталіоновъ, считала въ рядахъ своихъ 155.000 чел. Но надежда на генеральное сраженіе была снова обманута. Найдя Дорогобужъ оставленнымъ, Наполеонъ продолжалъ наступленіе въ прежнемъ порядкѣ, съ Мюратомъ въ авангардѣ. Нашъ арріергардъ, отступая къ Вязьмѣ, былъ сильно тѣснимъ Мюратомъ и Даву, но тѣмъ не менѣе удержался до ночи. На слѣдующій день арріергардъ, усиленный 3-ею пѣхотною дивизіею и 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, поступилъ подъ начальство генерала Коновницына. Тогда былъ предпринятъ новый порядокъ отступленія: на всякомъ выгодномъ для артиллеріи пунктѣ устанавливали нѣсколько орудій, встрѣчали ими непріятели, вынуждали его выслать свою артиллерію и развернуться, послѣ чего отступленіе продолжалось, и на слѣдующемъ удобномъ пунктѣ тотъ же маневръ повторялся. Въ этотъ же день, 17-го (29) августа, наши арміи расположились на позиціи у Царево-Займища, а непріятель вступилъ въ оставленную жителями и частью ими же зажженную Вязьму.

По обзрѣніи позиціи, усиленіе которой полевыми укрѣпленіями было немедленно предпринято, Барклай почувствовалъ, что онъ, наконецъ пріобрѣлъ право вступить съ противникомъ въ генеральное сраженіе и удовлетворить этимъ всеобщее желаніе съ спокойною совѣстью. Войска его, съ приведенными Милорадовичемъ въ Гжатскъ подкрѣпленіями, состояли изъ 110.000 чел., численностью они еще много уступали непріятелю, но прежняя огромная несоразмѣрность исчезла: онѣ были испытанной храбрости, имѣли

надежныхъ начальниковъ и находились на отличной позиціи ¹⁾. Въ полупереходѣ за Царево-Займищемъ, у Гжатска, была другая также весьма хорошая позиція, которая имѣла назначеніемъ служить, въ случаѣ надобности, убѣжищемъ вынужденной къ отступленію арміи. Такое совпаденіе благопріятныхъ обстоятельствъ не могло не повліять успокоительно на рѣшеніе Барклая помѣриться съ Наполеономъ. Но ему не суждено было исполнить это рѣшеніе. Все тяжелое время веденія войны противъ полумилліонной силы Наполеона не только оставалось неразгаданнымъ и неоцѣненнымъ, но было даже сопряжено съ горькими испытаніями: такъ искусныя и успѣшныя дѣйствія подъ Смоленскомъ имѣли ближайшимъ результатомъ назначеніе новаго главнокомандующаго; а подготовленія къ генеральному сраженію не имѣли послѣдствій, потому что кн. Кутузовъ пріѣхалъ за два дня до предполагаемаго боя.

Въ собственноручныхъ замѣткахъ Барклая мы читаемъ, что онъ самъ представилъ Императору Александру о необходимости назначить генералиссимуса надъ всѣми арміями. Изъ четырехъ главнокомандующихъ онъ былъ, по старшинству, моложе всѣхъ, но по званію военнаго министра сообщалъ свои приказанія именемъ Императора; это могло повести къ неудовольствіямъ и неблагопріятно повліять на операціи. Барклай полагалъ, что званіе генералиссимуса можетъ быть возложено на одного Кутузова, хотя преждевременная его дряхлость, слабость зрѣнія, а потому и нѣкоторая зависимость отъ приближенныхъ были ему извѣстны. Слухи о назначеніи новаго главнокомандующаго опередили его пріѣздъ двумя днями, такъ что Барклай уже 16-го августа писалъ женѣ: „Что касается назначенія кн. Кутузова, то оно было необходимо, такъ какъ Императоръ лично не командуетъ всѣми арміями; но счастливый ли тотъ выборъ, только Господу Богу извѣстно. Что касается меня, то патриотизмъ исключаетъ всякое чувство оскорбленія“ ²⁾. Въ тотъ же день Барклай-де-Толли писалъ Государю: „Какъ главнокомандующій, подчиненный князю Кутузову, я знаю свои обязанности и буду исполнять ихъ добросовѣстно. Но я еще нахожусь въ неизвѣстности на счетъ отношеній моихъ въ качествѣ военнаго министра. Быть можетъ, Государь, причиною тому благосклонность Вашего Величества ко мнѣ, прежде удостоенному совершеннымъ Монаршимъ довѣріемъ. Осмѣливаюсь предполагать, что только эта

¹⁾ Извѣстный военный писатель майоръ Блессовъ, обозрѣвшій мѣстность, признаетъ эту позицію чрезвычайно выгодною и лучшею на всемъ пространствѣ отъ Смоленска до Москвы. Таковы же мнѣнія Беригарди и Бейцке.

²⁾ Письмо Барклая къ женѣ отъ 16-го августа 1812 г.

причина побудила Ваше Величество отложить порученіе исполняемых мною обязанностей военнаго министра кому-либо другому. Умоляю Васъ, Государь, не обращать на меня вниманіе, дабы ни на одинъ мигъ не потерпѣла отъ того польза службы. Не стану говорить о дѣйствіяхъ ввѣренной мнѣ арміи въ настоящее время, когда столь близка рѣшительная развязка. Послѣдствія покажутъ, могъ ли я сдѣлать болѣе для спасенія государства. Если бы моими поступками руководило легкомысленное тщеславіе, то Ваше Императорское Величество получали бы отъ меня реляціи о данныхъ мною сраженіяхъ, а непріятель, несмотря на то, былъ бы подъ стѣнами Москвы, не имѣя передъ собою силъ, достаточныхъ для ея защиты“ ¹⁾).

На слѣдующій день, 17-го (29) августа, кн. Кутузовъ пріѣхалъ въ Гжатскъ, а затѣмъ и въ Царево-Займище, гдѣ онъ послѣ обѣда отправился съ Барклаемъ обозрѣть позицію. Онъ нашелъ ее очень выгодною, изъявилъ рѣшимость принять на ней сраженіе и приказалъ ускорить начатую постройку укрѣпленій. Барклай былъ очень доволенъ этимъ заключеніемъ, потому что рѣшаясь принять бой необходимо было, по его мнѣнію, исполнить это по возможности дальше отъ Москвы: вынужденное затѣмъ отступленіе, доставляя намъ нѣкоторыя выгоды, а противнику положительный вредъ, могло повести къ вторичному, болѣе благопріятному сраженію. Но на другой день, совершенно неожиданно, армія получила приказаніе отойти 12 верстъ назадъ, на позицію у Гжатска. Эта вторая позиція была также признана хорошею новымъ главнокомандующимъ, приказавшимъ немедленно усилить ее редутами. Тогда генералъ Беннигсенъ, назначенный начальникомъ главнаго штаба соединенныхъ западныхъ армій и пріѣхавшій съ кн. Кутузовымъ, сталъ объяснять, что онъ проѣздомъ изъ Москвы замѣтилъ болѣе выгодныя позиціи; однако главнокомандующій оставался при намѣреніи принять бой у Гжатска. Тѣмъ не менѣе вечеромъ получено приказаніе продолжать отступленіе по Московской дорогѣ. Тогда стали догадываться, что обѣ позиціи имѣли одинъ недостатокъ: онѣ были выбраны при Барклаѣ и имъ одобрены; приближеннымъ же Кутузова не трудно было его убѣдить, что если непріятель будетъ разбитъ у Царево-Займища или Гжатска, то слава побѣды будетъ приписана не ему, а прежнему главнокомандующему. Однако Кутузовъ, по пріѣздѣ въ Гжатскъ, самъ отправилъ обратно офицеровъ генеральнаго штаба, высланныхъ для отысканія новой позиціи на

¹⁾ Письмо Барклая-де-Толли къ Императору Александру отъ 16-го августа 1812 г.

случай вторичнаго боя и сказалъ имъ: „не нужно намъ позади арміи никакихъ позицій; мы и безъ того ужес лишкомъ далеко отступили“ ¹⁾. Какъ послѣ этого объяснить въ официальномъ донесеніи причины столь внезапнаго и добровольнаго отступленія. Причины были найдены и изложены въ первомъ же донесеніи отъ 19-го августа, а именно: „истощеніе войскъ и мародерствъ, удобство комплектованія ихъ приведенными вчера генераломъ Милорадовичемъ подкрѣпленіями, неудовлетворительность позицій“ ²⁾. Изъ указанныхъ обстоятельствъ обращаетъ на себя особенное вниманіе первое, относящееся къ внутреннему состоянію войскъ; оно дало поводъ противникамъ Барклая распространять въ Петербургѣ ложные слухи о духѣ и дисциплинѣ арміи. Это обнаружилось полтора мѣсяца спустя, когда фельдъегерь привезъ въ главную квартиру въ Тарутинѣ шесть большихъ тюковъ новыхъ листовъ присяги въ столь сильныхъ выраженіяхъ, что прежде нежели успѣли ихъ прибрать и отправить обратно, всѣ догадались, что это былъ результатъ клеветы на армію Барклая ³⁾. Въ виду столь недостойныхъ происковъ читаемъ съ особеннымъ удовлетвореніемъ отзывы о томъ же предметѣ такихъ лицъ, какъ принцъ Евгенийъ Виртембергскій, раздѣлявшій всѣ опасности войны со своими солдатами, и гр. Толь, такъ близко стоявшій ко всѣмъ войскамъ съ перваго дня кампаніи. Первый пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Разногласіе мнѣній въ главной квартирѣ отзывалось въ арміи, но духъ и дисциплина войскъ оставались неприкосновенны. Они сражались съ постояннымъ мужествомъ и успѣхомъ; полки соперничали одинъ передъ другимъ за честь участія въ дѣлѣ; на переходахъ и бивакахъ люди всегда были бодры и веселы, изъявляя заботу только о крестьянахъ, которыхъ война лишала крова и имущества“ ⁴⁾. А въ сочиненіи Берягарди о воспоминаніяхъ графа Толя читаемъ: „По достиженіи Царево-Займища русская армія считала въ рядахъ своихъ шестнадцатую или семнадцатую тысячами чел. менѣе, нежели при соединеніи у Смоленска; слѣдовательно, вся убыль войскъ состояла въ тѣхъ людяхъ, которые были потеряны въ сраженіяхъ: поразительный примѣръ порядка, дисциплины и твердости духа“ ⁵⁾.

Послѣ двухъ-дневнаго пребыванія у Царево-Займища, 19-го (31) августа, западная армія выступила и, не останавливаясь въ Гжатскѣ,

¹⁾ М. Богдановичъ. Отечественная война 1812 г. Т. II, стр. 125.

²⁾ Тамъ же, стр. 126—127.

³⁾ Мой вѣкъ. Г-нъ М. Маевскій. „Русская Старина“, августъ 1873 г.

⁴⁾ Herzog E. von Württemberg. Erinnerungen aus dem Feldzuge 1812. S. 64—65.

⁵⁾ Denkwürdigk. des Gr. Toll von Bernhardt. I. S. 409.

послѣдовали по Московской дорогѣ. Общаго распоряженія по этому поводу не было. Управление новаго главнокомандующаго уже было составлено; кромѣ начальника штаба назначены: генераль-маіоръ Вистицкій генераль-квартирмейстеромъ, полковникъ Кайсаровъ въ должность дежурнаго генерала, полковникъ Толь состоятъ при кн. Кутузовѣ ¹⁾. Но генераль Беннигсенъ уже передъ тѣмъ уѣхалъ съ нѣкоторыми офицерами генеральнаго штаба отыскивать позиціи, усмотрѣнныя имъ проѣздомъ. Однако все обошлось благополучно. Арріергардъ Барклая, подѣ начальствомъ Коновницына, задерживалъ по-прежнему противника и имѣлъ даже съ нимъ удачное дѣло у Гжатска, при которомъ взялъ въ плѣнъ около 500 чел. и особенно отличился генераль-маіоръ Крейцъ. Вскорѣ прекратились и порывы непріятельскаго авангарда. Наполеонъ, пріѣхавшій въ Гжатскъ 20-го авг. (1 сент.), узналъ тамъ о прибытіи новаго русскаго главнокомандующаго и усмотрѣлъ въ этомъ вѣроятность безотлагательнаго боя. Тогда онъ призналъ нужнымъ дать войскамъ своимъ трехъ-дневный отдыхъ и возобновить общее наступленіе лишь 23-го авг. (4 сент.). Между тѣмъ наши арміи продолжали движеніе до Бородина, куда онѣ прибыли 22-го августа и гдѣ остановились, потому что до Москвы лучшей позиціи не было; тамъ присоединились къ нимъ 10.000 ратниковъ Московскаго и Смоленскаго ополченій. Такъ совершилось отступленіе русскихъ армій отъ Смоленска, на протяженіи около 300 в.; оно представляетъ рѣдкій примѣръ сохраненія порядка и дисциплины; непріятелю не удалось захватить ни отсталыхъ людей и ни одной повозки; войска были свѣжи и всегда готовы къ бою. Арріергардъ Коновницына расположился въ ожиданіи непріятеля у Гриднева, въ 15 верстахъ отъ армій. Тамъ онъ былъ атакованъ 23-го авг. (4 сент.) Мюратомъ, но, несмотря на жаркій бой, продержался на позиціи до полученія донесеній о движеніи вице-короля въ обходъ его праваго фланга. Тогда онъ отошелъ на ночь къ Колоцкому монастырю. На слѣдующее утро атака Мюрата возобновилась, однако Коновницынъ сопротивлялся съ большимъ успѣхомъ, при чемъ Изюмскому гусарскому полку удалось нанести пораженіе италійскимъ конно-егерямъ; когда же обнаружилось, что вице-король снова обходитъ его правый флангъ, онъ отвелъ свои войска за Колочу, гдѣ они присоединились къ своимъ корпусамъ, стоявшимъ на позиціи.

Избранная Беннигсеномъ позиція распространяется на протяженіи 5 верстъ отъ лѣса, лежащаго близъ впаденія р. Колочи въ р. Москву на правомъ флангѣ, до лѣса у д. Утицы на лѣвомъ. Р. Колоча течетъ въ плоской мѣстности параллельно Смоленской

¹⁾ Приказы Кутузова отъ 18 и 19 авг. № 123.

дорогѣ до Бородина, гдѣ она ее пересѣкаетъ, а оттуда въ глубокой долинѣ съ обрывистыми, иногда недоступными, берегами. Это даетъ позиціи праваго фланга большую силу. Часть центра, у Бородина, была также нѣсколько прикрыта Колочею и тутъ же впадающимъ въ нее правымъ притокомъ Стонецъ, между которыми возвышается курганъ у селенія Горки. Далѣе до Утиць мѣстность не представляетъ выгодъ для обороны; она состоитъ изъ отлогихъ голыхъ холмовъ, большею частью покрытыхъ кустарникомъ 3—4 фут. вышины. А потому было необходимо усилить ее искусственно, что было немедленно предпринято, но поверхностно выполнено по той причинѣ, что назначенные для работъ ратники не имѣли надлежащаго шанцоваго инструмента и не умѣли готовить туры и фашины; грунтъ же былъ каменистый, и сухая земля осыпалась. Возведенныя на Бородинской позиціи полевые укрѣпленія были слѣдующія. На курганѣ у Горокъ двѣ батареи: одна на вершинѣ на три орудія, другая на скатѣ къ Бородину на девять орудій. На возвышенности между Бородинымъ и селеніемъ Семеновскимъ, Курганная батарея или батарея Раевского, въ которой амбразуры были готовы только на 10 орудій, а люнетъ не былъ оконченъ. Далѣе, за безводнымъ въ то лѣто ручьемъ Семеновскимъ и влѣво отъ селенія, три слабыя батареи, такъ называемыя Багратионовы флешы. Наконецъ, въ 2-хъ верстахъ впереди центра позиціи, у селенія Шевардина, былъ построенъ пяти-угольный редутъ въ видѣ передоваго пункта, но не совсѣмъ оконченъ. На этой позиціи армія Барклая-де-Толли заняла правый флангъ и центръ, а II армія Багратиона—лѣвый флангъ. Ближайшее распределеніе войскъ было слѣдующее: на крайнемъ правомъ флангѣ 2-й пѣхотный корпусъ г.-л. Багговута; лѣвѣе его, примыкая къ Горкамъ, 4-й пѣхотный корпусъ г.-л. гр. Остермана, а за нимъ 2-й кавалерійскій г.-ад. бар. Корфа. Въ резервѣ за войсками праваго фланга 1-й кавалерійскій корпусъ г.-ад. Уварова и 9 казачьихъ полковъ Платова. Въ центрѣ, противъ Бородина и большого люнета (бат. Раевского) 6-й пѣхотный корпусъ г.-отъ-и. Дохтурова, а за нимъ 3-й кавалерійскій корпусъ г.-л. гр. Палена¹⁾. Отъ большого люнета до д. Семеновской,—7-й пѣхотный корпусъ г.-л. Раевского, имѣя за собою 4-й кавалерійскій корпусъ г.-м. гр. Сиверса. На лѣвомъ флангѣ у д. Семеновской—8-й пѣхотный корпусъ г.-л. Борова, а именно: 2-я гренадерская дивизія за селеніемъ, а сводная гренадерская у флешей Багратиона. Причисленная къ 8-му корпусу 27-я дивизія г.-м. Невѣровскаго, а также 2-я кирасирская дивизія г.-м. Дуки были вы-

¹⁾ Временно-подчиненный бар. Корфу.

двинуты подъ начальствомъ г.-л. кн. Горчакова для обороны Шевардинскаго редута, вооруженнаго 12-ю батарейными орудіями; при этомъ 27-я дивизія расположилась позади редута, имѣя кавалерію на флангахъ, а егерскіе полки въ селѣ Доронинѣ и примыкающихъ кустахъ. Главный резервъ: 3-й пѣхотный корпусъ г.-л. Тучкова, 5-й пѣхотный (гвардія) г.-л. Лаврова и 1-я кирасирская дивизія г.-м. Бороздина— между Князьковымъ-Татариновымъ. Главный артиллерійскій резервъ изъ 180 орудій у Псарева. Главная квартира кн. Кутузова въ Татариновѣ. Село Бородино было занято л.-гв. Егерскимъ полкомъ. На оконечностяхъ праваго и лѣваго фланговъ казачьи отряды служили для наблюденія и прикрытія мѣстности. Вся російская армія считала въ рядахъ своихъ 104.000 ч. регулярнаго войска и около 7.000 казаковъ; кромѣ того имѣлось до 10.000 ратниковъ, частью вооруженныхъ пиками. Артиллеріи было всего 640 орудій.

Авангардъ Мюрата, слѣдовавшій 24-го августа (5 сент.) за Ковновницынымъ, былъ вскорѣ остановленъ артиллерійскимъ огнемъ изъ Шевардинскаго редута и ружейнымъ съ праваго берега Колочи. Онъ перешелъ тогда самъ Колочу у Валуева и Фомкина и атаковалъ вскорѣ село Доронино, которымъ овладѣлъ около 4-хъ ч. по полудни. Между тѣмъ Наполеонъ, обозрѣвшій положеніе дѣлъ, счелъ нужнымъ овладѣть также Шевардинскимъ редутомъ и возложилъ эту задачу на кн. Понятовскаго, слѣдовавшаго по старой Смоленской дорогѣ и достигнувшаго Ельни. Вскорѣ Понятовскій, отбѣснивъ русскихъ егерей изъ кустарника, приказалъ 61-му линейному полку идти на приступъ, что и было немедленно съ успѣхомъ исполнено; но тогда части 27-й дивизіи бросились на потерянное укрѣпленіе; завязался горячій бой, во время котораго редутъ три раза переходилъ изъ рукъ въ руки и остался наконецъ за противникомъ. Узнавъ объ этомъ, кн. Багратіонъ привелъ на подкрѣпленіе Горчакова 2-ю гренадерскую дивизію принца К. Мекленбургскаго, которою въ 8 ч. вечера сдѣлано новое нападеніе на редутъ. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, онъ былъ взятъ обратно, и 61-й линейный полкъ сильно пострадалъ; въ то же время нашею кавалеріею отбито 7 орудій. Однако кн. Кутузовъ, въ виду отдаленности Шевардина отъ главной позиціи и невозможности удержать за собою редутъ безъ чувствительныхъ потерь, приказалъ отвести отрядъ Горчакова обратно, что и послѣдовало въ 11-мъ часу ночи. Невѣровскій расположился тогда за флешами Багратіона, у ручья Семеновскаго, а вторая кирасирская дивизія за 2-ю гренадерскою. Для усиленія лѣваго фланга, противъ котораго повидимому сосредоточивались большія силы, изъ главнаго резерва переведенъ на другой день 3-й корпусъ Тучкова къ Утицѣ. Слѣдующій день обѣ

арміи провели въ приготовленіяхъ къ битвѣ, а русская армія готовилась къ ней молитвою.

Наполеонъ далъ войскамъ своимъ слѣдующую диспозицію. Польскій корпусъ Понятовскаго наступаетъ на Утицу, атакуетъ русскій лѣвый флангъ и старается обойти его. Три дивизіи 1-го корпуса Даву, корпусъ Нея и корпусъ Жюно, поддерживаемые кавалеріею Мюрата, дѣйствуютъ противъ нашего лѣваго фланга. Двѣ дивизіи 1-го корпуса, 4-й корпусъ вице-короля, итальянская гвардія и кавалерійскій корпусъ Груши назначаются для операцій противъ нашего центра и курганной батареи. Кавалерійская дивизія Орнано располагается на лѣвомъ флангѣ, а гвардія, старая и молодая, — у Доронина. Во всѣхъ этихъ войскахъ было не менѣе 140.000 ч., при 570 орудіяхъ. Въ 6 часовъ утра 26-го авг. (7 сент.). Наполеонъ, указавъ на поднявшееся изъ густого тумана яркое солнце и воскликнувъ: „это солнце Аустерлицкое“, приказалъ начать сраженіе.

Первымъ двинулся впередъ по старой Смоленской дорогѣ кн. Понятовскій и атаковалъ Тучкова, занимавшаго позицію передъ Утицей и имѣвшаго егерскіе полки разсыпанными до лѣваго фланга 8-го пѣхотнаго корпуса. Послѣ упорнаго сопротивленія Тучковъ отступилъ за Утицу и поставилъ свою артиллерію на высоту, сильный огонь съ которой остановилъ успѣхи противника. Между тѣмъ и Даву, поддержанный огнемъ болѣе 100 орудій, выдвинулъ дивизіи Кампана и Дессе для овладѣнія Семеновскою позиціею; но головныя части ихъ были встрѣчены при выходѣ изъ лѣса такимъ картечнымъ огнемъ, что не могли развернуться, пока французскія батареи, не приносяшія намъ вреда, выдвинулись впередъ и маршалъ Ней къ нимъ присоединился. Тогда непріятельскія колонны, несмотря на жестокій огонь нашей артиллеріи и пѣхоты, стремительно бросились на наши укрѣпленія и ворвались въ одну изъ флешей Багратіона съ тылу. Но торжество продолжалось недолго: гренадеры Воронцова и баталіоны Невѣровскаго выбили скоро французовъ штыками, а Ахтырскіе гусары и Новороссійскіе драгуны довершили ихъ пораженіе настойчивымъ преслѣдованіемъ. Въ ожиданіи новаго нападенія, Багратіонъ приказалъ Тучкову подкрѣпить 8-й корпусъ дивизіею Коновницына и послалъ просить помощи у Барклая-де-Толли, который немедленно отправилъ весь 2-й корпусъ на лѣвый флангъ. Туда же были тогда направлены изъ главнаго резерва одна гвардейская и одна свободная гренадерская бригады, три полка кирасиръ и три роты гвардейской артиллеріи.

Когда въ 6 ч. утра раздались первые пушечные выстрѣлы, Барклай-де-Толли вѣхалъ на возвышеніе у д. Горки. Онъ былъ въ

мундирѣ, при орденахъ и звѣздахъ и въ шляпѣ съ плюмажемъ. Туманъ сталъ постепенно исчезать, и скоро можно было различить приближеніе непріятеля къ Бородину, занятому по обѣ стороны Колочи лейбъ-гв. Егерскимъ полкомъ. Тогда Барклай послалъ полку приказаніе стянуться къ правому берегу рѣки и сжечь мостъ. Однако одна колонна дивизіи Дельзона, пользуясь туманомъ, незамѣтно проникла въ Бородино по берегу Колочи, получила тогда возможность обстрѣливать мостъ, когда егеря еще переходили черезъ него, и нанести имъ чувствительныя потери. Но на подкрѣпленіе гвардейскихъ егерей уже подходили высланные Барклаемъ егерскіе полки № 1, № 19, № 40, которые отбросили противника съ большимъ урономъ и разобрали мостъ. Затѣмъ войска вице-короля стали собираться для предстоявшаго наступленія: дивизія Дельзона и баварская кавалерія за Бородинымъ, а вправо отъ нихъ дивизія Жерара и Брусье, итальянская гвардія и кавалерійскій корпусъ Груши. Мало-по-малу войска эти подходили къ Колочѣ, гдѣ построены были мосты, и переправились на правый берегъ подъ прикрытіемъ стрѣлковъ дивизіи Морана, давно уже завязавшихъ горячую перестрѣлку съ нашими егерями 7-го корпуса, передъ курганомъ Раевского. На оконечности лѣваго фланга французовъ осталась одна кавалерійская дивизія Орнано. Около 9 ч. Барклай, замѣтивъ нѣкоторое смятеніе передъ большимъ люнетомъ, послалъ адъютанта Левенштерна удостовѣриться, въ чемъ дѣло, и самъ направился за нимъ. Смятеніе оказалось боемъ, завязавшимся между стрѣлками Дельзона и егерями Раевского. Изъ прочихъ войскъ 7-го корпуса оставались вблизи занятаго имъ люнета только четыре баталіона 26-й дивизіи подъ начальствомъ Паскевича и четыре баталіона 12-й дивизіи подъ начальствомъ Васильчикова; присланные же на помощь два полка 6-го корпуса и одинъ 4-го корпуса были поставлены за люнетомъ. Завязавшійся въ кустарникѣ бой получилъ между тѣмъ большіе размѣры; въ немъ приняли участіе дивизія Морана и Брусье. Въ 12-мъ часу непріятель усилилъ канонаду, и пѣхота смѣло двинулась впередъ; вслѣдъ затѣмъ бригада Бонами, въ головѣ одной изъ наступающихъ колоннъ, бросилась на укрѣпленіе и овладѣла имъ. Въ эту минуту подѣхали Ермоловъ и Кутайсовъ. Ермоловъ, сообразивъ возможность мгновеннымъ, неожиданнымъ нападеніемъ вырвать среди общаго возбужденія люнетъ изъ рукъ непріятеля, взялъ первый попавшійся Уфимскій баталіонъ и устремился на него съ неукротимымъ увлеченіемъ; то же исполнилъ съ Томскимъ баталіономъ адъютантъ Барклай майоръ Левенштернъ. Тогда и Паскевичъ, Васильчиковъ и прочіе полки двинулись впередъ съ такимъ единодушіемъ, что укрѣпленіе

было немедленно взято, раненый генералъ Бонами захваченъ въ плѣнъ, и непріятель отовсюду выбить съ большими потерями. Вслѣдъ затѣмъ подготовленные Барклаемъ драгуны Крейца преслѣдовали его столь быстро, что произвели даже безпорядокъ въ выдвинутыхъ на помощь резервахъ. Таковъ былъ исходъ этого отчаяннаго боя, не прекращавшагося съ 9-ти ч. утра. Барклай, являвшійся вездѣ, гдѣ было опасно, прибылъ на батарею, и, какъ всегда, изумлялъ всѣхъ своимъ величавымъ спокойствіемъ. Почти всѣ находившіеся при немъ были ранены или убиты, но его, смерти не боявшагося, Провидѣніе хранило. Удостоверившись въ совершенномъ ослабленіи прежнихъ защитниковъ батареи, онъ замѣнилъ ихъ войсками 24-й дивизіи Лихачева. Неудачное покушеніе противника на батарею Раевского стояло ему до 3.000 человекъ. Но и намъ этотъ бой обошелся дорого; въ немъ погибъ начальникъ артиллеріи I арміи, молодой, даровитый, достойный Кутайсовъ. Ранены были, но легко, Ермоловъ и Левенштернъ. Послѣдній увидѣлъ затѣмъ на перевязочномъ пунктѣ тяжело раненаго князя Багратіона, который немедленно спросилъ его о Барклаѣ и потомъ добавилъ угасающимъ голосомъ: „скажите ему, что спасеніе арміи въ его рукахъ; еще все благополучно, сохрани его Господь“ ¹⁾.

Ожиданіе новаго нападенія, побудившее кн. Багратіона просить Барклая о помощи, оправдалось; уже въ 9 ч. маршалы Даву и Ней, подготовивъ наступленіе артиллерією, возобновили нападеніе. Послѣ упорнаго боя имъ удалось овладѣть флешами и даже ворваться въ Семеновское. Но и въ этотъ разъ гренадеры 2-й дивизіи штыками очистили укрѣпленіе, и подоспѣвшій Коновницынъ выбилъ французовъ изъ селенія. Еще разъ флеша были взяты непріателемъ и еще разъ возвращены Коновницынымъ, который, при содѣйствіи высланныхъ Барклаемъ трехъ гусарскихъ полковъ Дорохова, оттѣснилъ наконецъ противника обратно. Тогда маршалы пришли къ заключенію, что имъ необходимо содѣйствіе не только кавалеріи, но и цѣлаго корпуса маршала Жюно. По полученіи испрошеннаго разрѣшенія, на послѣдняго было возложено вытѣснить нашихъ егерей изъ кустарника, занимаемаго ими между лѣвымъ флангомъ и Утицей, и войти въ связь съ Понятовскимъ; въ случаѣ успѣха, флеша могли бы быть обойдены и взяты съ тыла, а Тучковъ былъ бы отрѣзанъ. Но къ счастью отряженный Барклаемъ корпусъ Багговута уже подходилъ; изъ него два полка г.-л. Олсуфьевъ повелъ на помощь Тучкову, почти всѣ прочіе остались у Багратіона. Около полудня Наполеонъ сосредоточилъ огонь 400 орудій противъ Семе-

¹⁾ W. v. Löwenstern. Denkwürdigkeiten eines Livländers.

новской позиціи; съ нашей стороны было противопоставлено до 300 орудій. Тогда на пространствѣ одной квадратной версты произошла пальба 700 орудій, безпримѣрная въ исторіи войнъ. Тѣмъ не менѣе французы выдвинулись и непоколебимо шли впередъ; съ нашей стороны встрѣтила ихъ цѣлая линія колоннъ и вступила съ ними въ отчаянный рукопашный бой. Въ этомъ смятеніи приняла также участіе подоспѣвшая съ обѣихъ сторонъ кавалерія, такъ что образовалась большая толпа борющихся русскихъ и французскихъ, пѣшихъ и конныхъ воиновъ. Въ пылу битвы нѣкоторые изъ нашихъ начальниковъ были убиты или ранены, а въ числѣ послѣднихъ и самъ кн. Багратіонъ; лишеныя многихъ руководителей, войска стали отступать, и непріятель взялъ флешы. Спокойный Коновницынъ, замѣнившій Багратіона до прибытія Дохтурова, отвелъ войска за Семеновскій ручей, тогда безводный, гдѣ они остались до конца сраженія. Кавалерія Нансути и Латуръ-Мобура пыталась охватить его лѣвый флангъ, но наткнулась на мѣткій огонь Измайловскаго и Литовскаго гвардейскихъ полковъ, отразившихъ три атаки кирасирской дивизіи Сенъ-Жерменъ, послѣ чего г.-м. Бороздинъ съ тремя кирасирскими полками отбросилъ ее опять за Семеновскій оврагъ. Однако же войска нашего лѣваго крыла были настолько ослаблены, что одинъ еще ударъ свѣжими войсками могъ бы дать сраженію опасный для насъ оборотъ; Наполеонъ это видѣлъ и былъ готовъ уступить настояніямъ Мюрата и выдвинуть молодую гвардію. Но въ это мгновеніе онъ получилъ извѣстіе, остановившее его рѣшеніе; то было неожиданное допесеніе о нападеніи Уварова на лѣвый флангъ французовъ. Нападеніе это произошло слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ сраженія атаманъ Платовъ перешелъ съ казаками Колочу и замѣтилъ, что лѣвый флангъ вице-короля открытъ и подверженъ нападенію, о чемъ онъ донесъ главнокомандующему. Кн. Кутузовъ, желая, хотя бы диверсією, отвлечь вниманіе противника отъ нашего лѣваго фланга, приказалъ Уварову произвести таковую съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ и казаками Платова. Уваровъ, перейдя Колочу, атаковалъ и отбросилъ легкую кавалерію Орнано и устремился на 84-й полкъ дивизіи Дельзона, поспѣшившаго постройть каре, куда укрылся и вице-король. При этомъ Уваровъ произвелъ нѣсколько удачныхъ атакъ, но главный и весьма важный успѣхъ заключался въ томъ, что внезапное нападеніе его задержало распоряженія Наполеона и доставило намъ возможность своевременно усилить войска центра и лѣваго фланга. Мы уже видѣли, что изъ 2-го корпуса, усилившаго Багратіона, два полка поступили въ распоряженіе Тучкова, котораго Понятовскій вытѣснилъ передъ тѣмъ изъ кургана. Теперь Тучковъ рѣшился овладѣть имъ

снова и вмѣстѣ съ Олсуфьевымъ и Строгановымъ двинулся въ атаку. Понятовскій былъ выбитъ и отброшенъ на пушечный выстрѣлъ. При этомъ Тучковъ былъ смертельно раненъ.

Горячій бой на позиціи Багратиона еще кипѣлъ, когда Наполеонъ уже готовилъ такой же ударъ противъ батареи Раевского; но тревога, произведенная Уваровымъ, остановившая тогда рѣшеніе французскаго императора, задержала и теперь осуществленіе подготовленнаго нападенія. Однако мѣры, для сего предпріятыя, не ускользнули отъ внимательнаго Барклая. Онъ уже прежде занялъ возвращенный люнетъ 24-ю дивизіею Лихачева; теперь онъ замѣнилъ въ первой линіи и прочіе полки Раевского, сильно пострадавшіе, войсками 4-го корпуса Остермана, поставленными влѣво отъ 7-й пѣхотной дивизіи Капцевича. Также были пододвинуты часть 3-го и затѣмъ 2-й кавалерійскіе корпуса, Преображенскій и Семеновскій, Кавалергардскій и Конногвардейскій полки. Наконецъ, и егерскіе полки 4-й дивизіи герц. Виртембергскаго, при слѣдованіи 2-го корпуса къ Семеновскому, были привлечены къ ожидаемому рѣшительному бою. Съ противной стороны были сосредоточены для атаки дивизіи: Дельзонъ, Жераръ, Брусье, Моранъ, Клапаредъ, итальянская гвардія, молодая гвардія, баварская кавалерія, кавалерійскіе корпуса Груши, Латуръ-Мобура и бывший Монбрюнъ подъ начальствомъ Коленкура.

Наполеонъ, удостовѣрившись въ безопасности нападенія Уварова, приказалъ вице-королю начать дѣйствія. По условленному плану, атака курганной батареи (Раевского) должна была совершиться пѣхотою съ фронта и обоихъ фланговъ и кавалеріею съ тыла. Подготовлена она была перекрестнымъ огнемъ артиллеріи вице-короля и 85 орудій, поставленныхъ между Шевардинымъ и Семеновскимъ. Эта ужасная канонада сдѣлалась особенно чувствительна для войскъ 4-го пѣх. корпуса и егерскихъ полковъ герцога Евгенія. Тогда подъѣхалъ къ нимъ Барклай-де-Толли, привѣтствованный передъ тѣмъ гвардейскими полками криками „ура!“. Одиный, „спокойный видъ героя“, пишетъ герцогъ ¹⁾, „зорко слѣдившаго за ходомъ боя, не обращающаго малѣйшаго вниманія на летѣвшіе со всѣхъ сторонъ снаряды, успокоивалъ всѣхъ и внушалъ всѣмъ довѣріе“. Когда онъ указалъ на батарею, баталіоны поджидали только знака, чтобы двинуться впередъ, но въ это мгновеніе внезапно предсталъ передъ ними готовый обрушиться кавалерійскій потокъ, и герцогъ успѣлъ только скомандовать: „строй каре“, что доставило Барклаю и всѣмъ его окружавшимъ необходимое укрытіе. Это была кавалерійская атака,

¹⁾ Aus den Papieren des Prinzen E. von Württemberg.

опередившая ударъ пѣхоты. Войска наши, допустившія французскую конницу на близкій ружейный выстрѣлъ, открыли такой огонь, что она не могла устоять противъ него. Только Коленкуръ съ кирасирами ворвался въ люнетъ, но былъ убитъ, а кирасиры его смѣшались и поспѣшно удалились. Затѣмъ послѣдовала атака пѣхоты и кавалерійскаго корпуса Латуръ-Мобура, имѣвшаго въ головѣ саксонскую гвардію и кирасиръ Цастрова; саксонцы бросились на батарею, а кирасиры, поддержанные Вестфальскою бригадою, устремились на полки 4-го корпуса, стоявшіе позади ея. Послѣдніе однако встрѣтили ихъ мѣткими залпами и заставили отступить въ большомъ разстройствѣ. Саксонскіе же гвардейцы, несмотря на отчаянное сопротивленіе полковъ 24-й дивизіи, ворвались въ батарею и взяли ее, при чемъ храбрый ея защитникъ, генераль Ляхчевъ, захваченъ въ плѣнъ. Тогда же укрѣпленіе было занято головными баталіонами вице-короля, подошедшаго къ нему съ дивизіями Брусье, Морана и Жерара. Желая воспользоваться пріобрѣтеннымъ успѣхомъ, вице-король приказалъ тогда всей кавалеріи и всей пѣхотѣ двинуться впередъ. Наступилъ моментъ, о которомъ Барклай-де-Толли, описывая Бородинское сраженіе, говоритъ: „казалось, уже наступила мнута рѣшенія участи боя; кавалерія моя не могла удержать громаду двигавшихся на нее силъ, и я не смѣлъ вести ее противъ непріятели, полагая, что она, будучи опрокинута, отступить въ безпорядкѣ и приведетъ въ разстройство пѣхоту“¹⁾. И дѣйствительно, частей 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ еще не было, и онъ могъ разсчитывать только на Кавалергардскій и Конногвардейскій полки, которымъ приказалъ приблизиться къ пѣхотѣ. Наступленіе пѣхоты и кавалеріи противника было теперь направлено на 7-ю пѣхотную дивизію Капцевича, стоявшаго на правомъ флангѣ; она встрѣтила ихъ однако сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, и даже кавалерійскія его атаки не имѣли большого успѣха. Въ интервалахъ между баталіонами кирасе неожиданно появилось нѣсколько орудій гвардейской конной батареи, открывшихъ убійственную пальбу картечью, а прикрытіемъ ихъ послужилъ кавалергардскій полкъ. Вскорѣ подъѣхалъ къ этому полку Барклай-де-Толли и приказалъ ему и конногвардейцамъ идти въ атаку. Командиръ кавалергардовъ, едва только произнесъ нужную команду, какъ упалъ съ лошади смертельно пораженный; произведенныя же полками и нѣсколько разъ повторенныя атаки задержали нападенія непріятельской конницы до прибытія передовыхъ полковъ ген.-ад. Корфа, которые немедленно были введены въ дѣло. Тогда борьба приняла

¹⁾ Изображеніе дѣяствій первой Арміи.

все большіе размѣры и становилась все ожесточеннѣе. Кавалерія противника безпрестанно умножалась, но и съ нашей стороны части 3-го кавалерійскаго корпуса и остальные полки 2-го корпуса постепенно вступали въ бой. Безчисленные атаки съ обѣихъ сторонъ возобновлялись съ перемежнымъ успѣхомъ, и обширныя пространства представляли картины смѣшанныхъ борцовъ и бѣгавшихъ табунами лошадей павшихъ всадниковъ. Одна атака была однако жъ особенно замѣчательна была среди горячаго боя атака Кавалергардскаго и Конногвардейскаго полковъ какъ потому, что была направлена лично Барклаемъ, такъ и по неодолимости нанесеннаго удара; налету этихъ всадниковъ, говорить свидѣтель ¹⁾, противиться было невозможно. Въ 4-мъ часу усилія утомленныхъ войскъ стали ослабѣвать, и дѣйствія ихъ мало-по-малу прекратились. Барклай, считая новую борьбу для овладѣнія курганною батареею бесполезною, отвелъ войска немного назадъ, на позицію между селеніями Горки и Семеновская. Батарея была впрочемъ на ночь оставлена непріателемъ.

Таковъ былъ исходъ Бородинской битвы. Барклай считалъ возможнымъ возобновить ее на слѣдующій день и высказалъ это главнокомандующему, который вполнѣ съ нимъ согласился. По полученіи же ближайшихъ свѣдѣній о состояніи войскъ II арміи, Кутузовъ отмѣнилъ первоначальное рѣшеніе и приказалъ отступить утромъ за Можайскъ. Потери этого дня были громадны и простирались у насъ до 44.000 чел.; у непріателя онѣ были немного меньше. Отпоръ, встрѣченный Наполеономъ у Бородина, убѣдилъ его въ необходимости удержать гвардію отъ участія въ боѣ; „въ 3.000 верстахъ отъ Франціи нельзя рисковать послѣднимъ резервомъ“. О доблести войскъ онъ сдѣлалъ слѣдующее изреченіе: „Французы показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми“ ²⁾.

Подъ Бородинымъ Барклай-де-Толли оправдалъ слова свои въ письмѣ Императору Александру по полученіи извѣстія о назначеніи Кутузова: „я желалъ бы пожертвованіемъ жизни доказать мою готовность служить отечеству“. Съ ледянымъ хладнокровіемъ вѣзжалъ онъ въ самыя опасныя мѣста. Бѣлый конь полководца отличался издали подъ густыми клубами дыму. Офицеры и даже солдаты говорили, указывая на него: „Онъ ищетъ смерти“ ³⁾. Но онъ остался невредимъ; только на слѣдующій день, когда началось даль-

¹⁾ Адъютантъ Барклая маіоръ ф.-Левенштернъ.

²⁾ Pelet. Bataille de la Moskowa.

³⁾ Э. Глинка. Очерки Бородинскаго сраженія.

нѣйшее движеніе арміи къ Москвѣ, онъ заболѣлъ сильною лихорадкою. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Барклай уже прежде, у Царева-Займища, имѣлъ намѣреніе, въ случаѣ необходимости отступить послѣ сраженія, направить армію на Калугу, что могло бы помѣшать движенію Наполеона на Москву; тогда же послѣдовали распоряженія о заготовленіи продовольствія въ Калугѣ и Тулѣ.

Отступленіе арміи къ Можайску и далѣе къ Москвѣ совершилось спокойно. Арріергардъ, подъ начальствомъ Платова, а потомъ Милорадовича, удерживалъ Мюрата и имѣлъ даже у села Крымскаго жаркое съ нимъ дѣло. Перваго (13) сентября армія подошла къ Москвѣ и расположилась на позиціи, избранной Беннигсенемъ для защиты первопрестольной столицы. Правый флангъ ея примыкалъ къ изгибу рѣки Москвы у села Фили, а лѣвый находился на Воробьевыхъ горахъ. Барклай-де-Толли, изнемогавшій отъ лихорадки, тѣмъ не менѣе прибылъ на Поклонную гору, гдѣ собирались главные начальники вокругъ Кутузова, и немедленно отправился съ Дохтуровымъ на рекогносцировку. Неудобства позиціи его поразили, и онъ описалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Многія дивизіи были разобщены непроходимыми оврагами, въ одномъ изъ которыхъ протекала рѣчка, прерывавшая сообщеніе. Правое крыло примыкало къ лѣсу, что давало непріятелю возможность обойти насъ съ праваго фланга. Позади первой линіи лѣваго крыла находился крутой оврагъ, лишавшій резервъ возможности поддерживать ее. Конница должна была оставаться въ бездѣйствіи. Позади находилась рѣчка, а за нею обширный городъ. Въ случаѣ пораженія вся армія была бы уничтожена“¹⁾. Убѣдясь въ непригодности позиціи, Барклай послѣшилъ къ главнокомандующему и высказалъ ему опасность принять на ней бой. Нужно было обладать великимъ патриотизмомъ и мужественнымъ самоотверженіемъ, чтобы выразить тогда необходимость оставить Москву безъ боя. Барклай взялъ эту обязанность на себя; онъ громко высказалъ, что задуманное сраженіе неминуемо поведетъ къ потерѣ всей арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Москвы, и что лучше потерять одну Москву и сохранить армію для Россіи. Кн. Кутузовъ приказалъ тогда пригласить на военный совѣтъ въ д. Фили всѣхъ старшихъ начальниковъ. На состоявшемся совѣтѣ Беннигсенъ, въ 7-мъ часу вечера, предложилъ перевести армію на лѣвое крыло позиціи, перейти утромъ въ наступленіе и атаковать правый флангъ непріятеля. На это Барклай возразилъ, что войска, потерявшія многихъ генераловъ, полковыхъ командировъ и штабъ-офицеровъ, хотя и

¹⁾ Изображеніе дѣйствій первой арміи.

могли бы дать мужественный отпоръ превосходному противнику на хорошей позиціи, не въ состояніи однако перебраться ночью на другую позицію и производить затѣмъ задуманные маневры. Кн. Кутузовъ, выслушавъ всѣ предложенія, но давно уже рѣшившій покинуть Москву, окончилъ совѣщанія словами: „приказываю отступить“ и мотивировалъ ихъ тѣми же доводами, которые были высказаны Барклаемъ.

Провести армію черезъ Москву, по неизмѣримымъ улицамъ съ безчисленными переулками и соблазнительными трактирами, было не легко. Барклай принялъ всѣ мѣры для исполненія этого движенія въ порядкѣ: перекрестки были преграждены казачьими постами, и адъютанты распределены по различнымъ пунктамъ для наблюденія, а онъ самъ, не оправившись отъ болѣзни, оставался 18 часовъ на конѣ и пропускалъ всѣ войска мимо себя. Геройство у Бородина и благоразуміе въ Москвѣ стяжали Барклаю преданность и довѣріе русскаго воинства.

По достиженіи Боровскаго моста на Рязанской дорогѣ въ 30-ти в. отъ Москвы, армія свернула 4-го (16) октября на Подольскъ и Красную Пахру съ цѣлью вступить на Калужскій путь. Болѣзненное состояніе Барклая не поправлялось, и къ нему присоединилось тяжелое нравственное настроеніе. Непріятности, начавшіяся съ прибытіемъ Кутузова, постоянно возрастали. „Дѣла велись крайне безпорядочно“, говоритъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ: „сначала приказанія князя отдавались мнѣ и гр. Сень-Приесту черезъ полковника Кайсарова; случалось, что они доставлялись непосредственно корпуснымъ командирамъ и частнымъ начальникамъ, которые извѣщали о томъ, когда войска выступали или возвращались. Приказанія объявляемы были также Толемъ, Кудашевымъ, Скобелевымъ, не рѣдко одни другимъ противорѣчащія“¹⁾. Какъ тяжело было Барклаю переносить эти безпорядки и самоволія въ управленіи арміи, видно изъ тогдашнихъ писемъ его къ женѣ. Изъ Красной Пахры онъ писалъ: „Я послалъ Его Величеству письмо и надѣюсь получить, если не отвѣтъ, то по крайней мѣрѣ резолюцію. Дай Богъ, чтобы таковая послѣдовала скоро, потому что я не въ состояніи оставаться здѣсь долѣе“. „Я не узнаю болѣе, когда курьеры отправляются въ Петербургъ; съ нетерпѣніемъ ожидаю моего избавленія. Дѣла наши приняли такой оборотъ, что можно надѣяться на счастливый и почетный исходъ войны,—только нужно больше дѣятельности. Меня нельзя обвинять въ равнодушіи; я прямо высказывалъ свое мнѣніе; но меня какъ будто избѣгаютъ, и многое отъ

¹⁾ Записки Ермолова, изд. 1863 г.

меня скрываютъ“¹⁾). И Барклай не ошибся; его присутствіе не было желательно для Кутузова, Беннигсена и всѣхъ дѣятелей главной квартиры, которые давали ему это чувствовать. Между тѣмъ болѣзненное состояніе его ухудшалось и побудило обратиться къ главнокомандующему съ заявленіемъ, что ему необходимо ѣхать въ Калугу для лѣченія; разрѣшеніе немедленно послѣдовало, и 22-го сентября Барклай-де-Толли покинулъ армію. Прощаясь, онъ сказалъ адъютанту своему Левенштерну слѣдующія незабвенныя для него слова: „Теперь все противъ меня, и я долженъ удалиться; но настанетъ время спокойнаго обсужденія прошлыхъ событій, и тогда мнѣ отдадутъ справедливость. Великое дѣло сдѣлано; остается только позать жатву. Фельдмаршалъ ни съ кѣмъ не желаетъ раздѣлить славы изгнанія непріятеля, а я бы охотно принялъ въ этомъ участіе хотя бы въ званіи командира моего прежняго Егерскаго полка. Мое присутствіе вызываетъ раздоры, а потому я удаляюсь. Мой памятникъ остается: прекрасная, къ бою готовая армія, а передъ нею потрясенный противникъ въ безнадежномъ положеніи“²⁾).

Въ Калугѣ Барклаю пришлось испытать чашу униженій. Брошенные толпою камни посыпались въ его карету и раздались крики: „измѣнникъ!“ Дальнѣйшій путь на Владиміръ былъ крайне тяжелъ уже потому, что Барклай долженъ былъ соблюдать строгое инкогнито. Въ письмахъ къ женѣ онъ сообщаетъ, что послалъ адъютанта Кавера для полученія скорѣйшаго отвѣта, и пишетъ: „Если бы Его Величество меня совершенно уволилъ отъ службы, то я принялъ бы это, какъ награду за долготѣнюю службу. Если я не получу отвѣта на мою просьбу, то подамъ прошеніе объ отставкѣ и поѣду черезъ Псковъ въ Лифляндію“³⁾). Каверъ наконецъ вернулся, но ожидавшагося отвѣта не привезъ. Тогда Барклай поѣхалъ въ свое небольшое имѣніе Бекгофъ, въ Фелинскомъ уѣздѣ Лифляндіи, и прибылъ туда въ первой половинѣ ноября. Вскорѣ однако жъ, въ концѣ мѣсяца, онъ былъ обрадованъ отвѣтомъ Монарха; собственноручное, милостивое письмо свое Государь заключаетъ словами: „Я никогда не забуду важныхъ услугъ, оказанныхъ Вами отечеству и мнѣ, и желаю вѣрить, что вы окажете еще большія. Вѣрьте, что личные мои чувства къ вамъ не измѣнятся никогда“⁴⁾). Тогда Барклай, какъ только здоровье позволило, поспѣшилъ въ Петербургъ, но не засталъ болѣе Монарха, уѣхавшаго въ началѣ де-

¹⁾ Письма Барклая къ женѣ отъ 11 сентября.

²⁾ W. v. Löwenstern. Denkwürdigkeiten eines Livländers.

³⁾ Письмо отъ 16-го октября изъ Владиміра.

⁴⁾ Письмо Императора Александра къ Барклаю отъ 24-го ноября.

кабря въ Вильно. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ своимъ долгомъ явиться въ ближайшій пріемный день въ Зимній дворецъ. При входѣ въ пріемную онъ увидѣлъ множество лицъ, его, повидимому, не узнававшихъ, и молча прошелъ къ послѣднему окну. Вслѣдъ затѣмъ двери растворились, и вошла Императрица Елисавета; остановившись и окинувъ взорами собраніе, Государыня поспѣшно направилась къ Барклаю, протянула ему обѣ руки и съ внутреннимъ волненіемъ высказала ему свое теплое сочувствіе. Когда Императрица вышла, тѣ же лица окружили Барклая, что его глубоко возмутило.

Вскорѣ по возвращеніи въ свое имѣніе, въ январѣ 1813 г., Барклай былъ вызванъ Государемъ, находившимся съ герцогствѣ Варшавскомъ, въ Плоцкъ и 3-го (15) февраля назначенъ, вмѣсто Чичагова, главнокомандующимъ арміи, обложившей тогда крѣпость Торнъ. По взятіи крѣпости, 4-го апрѣля, онъ двинулся со своею арміею въ Саксонію, къ Бауцену, и разбилъ передъ тѣмъ, 7-го мая, французскую дивизію Перри при Кенигсвартѣ. Послѣ сраженія при Бауценѣ, въ которомъ Барклай-де-Толли стяжалъ даже удивленіе непріятелей, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ союзной русско-прусской арміи. Побѣда, одержанная 18-го августа при Кульмѣ, положила конецъ успѣхамъ Наполеона. Императоръ Александръ поздравилъ Барклая-де-Толли на полѣ сраженія кавалеромъ ордена Св. Георгія I-й ст. Въ битвѣ народовъ 6-го (18) октября у Лейпцига Барклай-де-Толли сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ побѣды и возведенъ своимъ Монархомъ въ графское достоинство. Въ сраженіи подъ Парижемъ онъ рѣшительною атакою ускорилъ взятіе города и пожалованъ 18-го марта генераль-фельдмаршаломъ. По заключеніи мира Барклай былъ назначенъ главнокомандующимъ I-й арміи, а весною 1815 г. онъ повелъ ее изъ предѣловъ Россіи во Францію. Между тѣмъ сраженіе при Ватерло и отреченіе Наполеона прекратило войну. Заключеніемъ многолѣтней воинской эпопеи послужилъ большой смотръ русскимъ войскамъ, сдѣланный 28-го августа русскимъ Монархомъ, въ присутствіи своихъ союзниковъ, во Франціи у Вертю ¹⁾. По окончаніи смотра фельдмаршалъ графъ Барклай-де-Толли былъ возведенъ въ княжеское достоинство.

Повышенія и отличія, которыми Барклай былъ осыпанъ благодарнымъ Монархомъ въ послѣдніе годы не имѣли никакого вліянія на его духовное состояніе и душевныя качества; благородный характеръ, возвышенныя чувства, христіанское смиреніе оставались

¹⁾ Въ Департаментѣ Марны.

всегда неизмѣнными. Свидѣтельствомъ тому служитъ корреспонденція его съ теткой-воспитательницей г-жой фонъ Вермейленъ, которая, не имѣя дѣтей, взяла трехлѣтняго племянника къ себѣ, полюбила его какъ сына и, вмѣстѣ съ своимъ достойнымъ мужемъ, посвятила себя его воспитанію до поступленія 17-ти-лѣтняго юноши въ полкъ. Корреспонденція Барклая съ своею воспитательницей характеризуетъ его какъ человѣка, а потому приводимъ письмо, посланное имъ 5-го мая 1814 г. изъ Парижа. „Милостивѣйшая тетушка! Непрерывныя военныя дѣйствія долго лишали меня удовольствія засвидѣтельствовать Вамъ письменно мою сыновнюю преданность. Такъ какъ мы въ настоящее время, благодаря Всевышнему, достигли желанной цѣли, то я прошу позволенія выразить Вамъ, милостивая моя благодѣтельница, чувства моего сердца. Событія этой войны и большіе успѣхи ея превзошли всѣ ожиданія, и рука Божья, прекратившая наконецъ человѣческія бѣдствія, видимо всѣмъ руководила. При этомъ я многократно подвергался опасностямъ и имѣлъ также счастье принимать въ событіяхъ свою долю участія, чѣмъ, конечно, обязанъ, Вашимъ обо мнѣ молитвамъ. Я желалъ бы выразить Вамъ въ полной мѣрѣ мою благодарность; до могилы сохранятся во мнѣ воспоминанія о родительскихъ попеченіяхъ, которыми Вы и незабвенный мой воспитатель окружали мою молодость. Господь поставилъ меня теперь на высшую ступень, которая можетъ быть достигнута на службѣ; Онъ одинъ въ состояніи дать мнѣ силы и способности, соотвѣтствующія ожиданіямъ Государи и отечества. Почтительнѣйше цѣлую Ваши руки и остаюсь на всегда, милостивѣйшая моя благодѣтельница, преданный Вамъ М. Барклай-де-Толли“¹⁾.

Однако жъ Императоръ Александръ не ограничился отличіями, которыми онъ, какъ выше сказано, уже удостоилъ Барклая; онъ пожелалъ также оказать ему особую честь и дать полное удовлетвореніе въ собственномъ отечествѣ, гдѣ онъ претерпѣлъ столько униженій. Съ этою вѣроятно цѣлью онъ пригласилъ Барклая въ концѣ 1815-го года въ столицу. Вотъ что пишетъ объ этомъ приѣздѣ самъ Барклай своей женѣ въ письмѣ отъ 14-го декабря изъ Петербурга. „Я приѣхалъ сюда 10-го вечеромъ; 11-го готовилась торжественная встрѣча, которую я преждевременнымъ прибытіемъ думалъ отклонить. Тѣмъ не менѣе я былъ встрѣченъ у заставы флигель-адъютантомъ, который имѣлъ порученіе поздравить меня

¹⁾ Переводъ съ оригинала.

именемъ Государя съ прїѣздомъ, освѣдомиться о моемъ здоровьи и сопроводить къ назначенному для меня помѣщенію. Тамъ ожидали меня почетный карауль Семеновскаго полка, нѣсколько ординарцевъ, прекрасно устроенный домъ съ прислугой, кухней и экипажемъ отъ Двора. Я хотѣлъ отпустить почетный карауль и отблагодарить флигель-адъютанта, но онъ объявилъ, что получилъ приказаніе состоять при мнѣ все время моего пребыванія, и поѣхалъ доложить Государю о моемъ прїѣздѣ; по возвращеніи онъ передалъ самое лестное привѣтствіе отъ Императора и желаніе Его Величества, чтобы почетный карауль остался. Утромъ 11-го я поѣхалъ къ Государю и убѣжденъ, что никогда еще Монархъ не принималъ своего полководца съ большею сердечностью. Онъ самъ повелъ меня къ Императрицѣ-матери, и тамъ произошла сцена, которая останется мнѣ незабвенною. Послѣ неисчерпаемой хвалы, онъ нѣсколько разъ называлъ меня своимъ вѣрнымъ помощникомъ, безъ котораго не былъ бы въ состояніи совершить то, что съ помощью Провидѣнія имъ достигнуто. Онъ говорилъ также о самоотверженіи и твердости, съ которыми я перенесъ всѣ испытанныя непріятности, и затѣмъ обнялъ меня въ присутствіи матери, которая такъ была растрогана, что два раза меня поцѣловала и потомъ со слезами обняла сына, восклицая: „мой Александръ“. Эта сцена произошла въ присутствіи графини Ливенъ и Вел. Кн. Анны. При возвращеніи домой я нашелъ улицу столь переполненной экипажами, что едва могъ доѣхать; причиною тому было приказаніе Государя, чтобы всѣ генералы, штабъ- и оберъ-офицеры представились мнѣ по случаю прїѣзда; гр. Аракчеевъ былъ также между ними. Въ этотъ день былъ обѣдъ у Государя; 12-го былъ выходъ во дворцѣ, а вечеромъ блестящій балъ. 13-го былъ праздникъ л.-гв. Литовскаго полка; за обѣдомъ Императоръ вспомнилъ, что это день моего рожденія, и провозгласилъ тостъ за мое здоровье“¹⁾. Торжества, продолжавшіяся еще нѣкоторое время, закончились 25-го декабря благодарственною службою по случаю счастливаго окончанія войны.

Весною 1818 года крайнее разстройство здоровья вынудило Барклая поѣхать въ Германію для употребленія минеральныхъ водъ; но на дорогѣ, близъ Инстербурга, онъ долженъ былъ остановиться, и его осторожно перевезли въ ближайшую дачу, отысканную адъютантомъ и врачомъ. Подъ утро, 14 (26) мая, онъ тамъ скончался на 57-мъ году своей славной жизни. Бренныя останки его

¹⁾ Письмо кн. Барклая-де-Толли къ женѣ отъ 14-го декабря 1815 года.

погребены въ имѣніи Бекгофъ, гдѣ княгиня воздвигла надъ его могилой прекрасный памятникъ. Затѣмъ еще воздвигнуты Барклаю памятники: у Инстербурга на мѣстѣ его кончины; въ Петербургѣ передъ Казанскимъ соборомъ; въ Дерптѣ на городской площади; въ Ригѣ, гдѣ онъ недавно освященъ. Къ числу такихъ памятниковъ можно также отнести художественное произведеніе нашего великаго поэта Пушкина, уже въ 1835 году столь вѣрно изобразившаго Барклая-де-Толли въ своемъ превосходномъ стихотвореніи „Полководецъ“.

Ф. В—нъ.

